

Ирина  
Снегова

ДОРОГИ  
СЕРДЦА

АРМГОСИЗДАТ

ИРИНА СНЕГОВА

Дороги  
и  
сердца

С Т И Х И  
И  
ПЕРЕВОДЫ

АРМГОСИЗДАТ

Е Р Е В А Н

1 9 6 3

P2  
C 53

Эта книга, прочитанная мною еще в рукописи, глубоко меня взволновала. Разумеется, любой читатель ищет, находит, чувствует, любит и ценит в поэзии прежде всего то, что особенно близко его уму и сердцу, настроению и переживаниям. В этом смысле в стихах мы как бы читаем о своей жизни, вернее о своем отношении к жизни, о своем месте и призвании в ней. Но стихи неподдельного поэта обладают и другим драгоценным качеством: они всегда являются стихами о поэте и о его времени, и тут читатель (желает того автор стихотворений или нет) становится чем-то вроде судьбы: он принимает или отвергает мир поэта в самом широком смысле этого слова.

То, что волнует поэтессу, и то, о чем она пишет, разумно, благородно, человечно. Когда-то Кавказ был экзотикой, и не более. О Кавказе писали русские и англичане, французы и итальянцы, поляки и немцы. Писали о гулких ущельях и прозрачных водопадах, снежных вершинах и коварных абреках и редко, очень редко о людях этого края, о богатстве и красоте их души. На память приходит гениальное толстовское описание

гор в «Казаках». Подводя итог первому и самому сильному впечатлению Оленина на Кавказе, Толстой нашел удивительно точное слово (оно подчеркнуто самим писателем): «... Он мало-по-малу начал вникать в эту красоту и почувствовал горы».

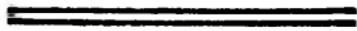
Ирина Снегова «почувствовала» людей. Она видит их, говорит и советуется с ними, нередко спорит, порою осуждает, но главное в том, что Кавказские горы-великаны не заслонили от взора поэтессы человека и в ней самой — не подавили человека. Кавказ перестал быть экзотикой в лучших стихах советских поэтов. Ирина Снегова верна именно этой традиции. И потому, когда читаешь ее стихи об Араратской долине или Севане, о волне Арагви или о горах Дагестана, чувствуешь всем сердцем, что дороги ей, конечно, и Севан, и Арагви, и Каспий, но дорожке всего — люди, друзья, современники, с которыми можно вести откровенный разговор о любви, о жизни, о завтрашнем дне. И поэтесса ведет этот разговор с присущей ей сердечностью и теплотой.

Она не только хорошо видит Армению, Грузию, Дагестан, она умеет также тонко почувствовать голос поэзии каждой из этих стран. Часть из того, что услышала Ирина Снегова в Армении, представлено в разделе «Стихи друзей», — именно друзей, а не просто поэтов. Спасибо поэтессе за это неизменное чувство дружбы к Армении!

*А. Салахян*



С Т И Х И





## КОЧЕВНИКИ

Тяжелая вещь одержимость пространством,  
Когда вас привяжет судьба, как дворнягу.  
Закрою глаза—  
И кочую, и странствую:  
Огни по становьям, как звезды из мрака.  
И—минимум скарба; к чертям неподвижность!  
И все, что прошло, не имеет значенья—  
Успех, неудача, обида, обиженность...  
И только дымки от кочевья к кочевью.  
И пахнет земля, оживает история,  
И хлам безусловно не властен над нами,  
И желтое солнце встает незашторено  
В пыли, поднимаемой ввысь табунами...  
Простите мне, авторы умных учебников,  
Я помню: оседлость основа прогресса.  
Ремёсла, науки...

Я славлю кочевников,—  
Молчанье верблюда, рычанье экспресса!

\* \* \*

Кто в духоте не видел проку,  
Кто не коптел в своем углу,  
Кто знал одну любовь—дорогу,  
Ее точеную иглу,  
Кто, как от крепкого напитка,  
Смелел от красоты земной,  
Кому однообразье пытка,  
Тот спутник мой, товарищ мой!  
Я твердо верю: он богаче,  
Чем обративший дом в тюрьму...  
Но вы, живущие иначе,  
Вы не завидуйте ему.  
Толок ли тупо воду в ступе  
Иль корабли водил на Марс,  
В свой час для каждого наступит  
Один и тот же—смертный—час.  
И к страннику придут дороги—  
Пути, измеренные им,  
Валы морские рухнут в ноги,  
Восстанет кряжей снежный дым.  
Всю землю, в стуже цепеняя,  
Он узрит вдруг живых ясней,  
И будет, может быть, труднее  
Ему, чем вам, расстаться с ней.



Он знал —

я с детства вижу камень.

Камень

Да ржавчину невыкрашенных крыш.

И заслонил их,

и зеленым жаром

Заполыхал,

и руки мне простер.

И в доме заструилось,

задрожало,

Из каждой склянки вынырнул костер.

Зеленым

замерцали занавески,

Шкафы метнули

прозелень огня...

И всё теперь живу я

как в предвестье

Какого-то

особенного

дня.

\* \* \*

Жизнь моя!  
Трудная,  
Щедрая,  
Скудная,  
Ширь непомерная,  
Глушь непробудная,  
Медленность санная,  
Прочерк ракеты...  
Всё в тебе  
                  есть, --  
Ничего в тебе  
                  нету!  
Что ты?  
                  Асфальт,  
Ускользящий ящером,  
Иль бездорожье,  
С обрыва летящее?!

\* \* \*

И всё, что ты любишь,  
И всё, что ты славись,  
С собой не возьмешь ты  
И людям оставишь:  
И небо сквозное  
Над облаком белым,  
И поле весною,  
И кровное дело,  
И путь, что не пройден,  
И век, что не дожит,  
Ты людям оставишь.  
Но счастлив, кто может  
Обнять эту землю  
Объятъем последним  
И сердце свое  
Ей оставить  
В наследье!

## Р Е Х А Н

---

\* \* \*

Дороги, белые до блеска,  
И свечи, свечи тополиные,  
И тропы в горных перелесках,  
И между звезд пути орлиные;  
Дороги, жгущие, как пламя,  
Листвой предсмертною, багровою,  
Пустые бездны под ногами  
И по садам пути ковровые, —  
Я исходила вас, изъездила,  
Льдом ваших рек глушила жажду.  
О как мне с вами было весело,  
Как грустно...  
Я вернусь однажды!

## ВОСТОК

Он казался далеким туманным преданьем,  
Песней, долгой, как путь сквозь пустые  
пески,  
Он, как точная пуля, прямым попаданьем  
Поражал острием своей древней тоски.

И люди шли испытать его печали  
К истоку дня, к ветхозаветным снам.  
Восток! Он был за солнцем—там, вначале,  
Где запах первых кущ вдыхал Адам.

Отведавший хоть раз такой отравы  
Уже никак забыть его не мог,—  
В снегах Сибири, в мексиканских травах  
Горячий жар ему подошвы жег.

И он не звал ни серых, ни зеленых,  
Ни синих глаз: повсюду с этих пор  
Преследовал его неуголенный  
Иссиня-черный, непроглядный взор.

• • • • • • • • • • • • • • •  
• • • • • • • • • • • • • • •

Небо медленно меркнет у нас за плечами.  
Лишь Массис, как светящийся купол, встает.  
Ты смеешься, мой милый, а взгляд твой  
печален,  
И покоя мне эта печаль не дает.

## ПРАЗДНИК

Всё встрепенулось, всё пришло в движение,  
Заготтал очнувшийся базар,  
И праздников ноябрьских приближение  
За целую неделю предсказал.  
И охнули, дымясь, бараньи туши,  
Метнулась снеди пестрая душа,  
И повлекли по улицам индюшек  
Вниз головами, за ноги держа.

И в сетках закачалась кинза,  
Редиска вздыбила хвосты,  
Куда ни сунься и ни кинься,  
О перец обожжешься ты.  
Но вот долма влезает в шкуру,  
И виноград свисает с ваз,  
И баклажан ползет к шампуру,  
И дыма жаждет хоровац.

Уже бутылки взвили шеи в звездах,  
Уже графины поперек распухли,  
Уже мужчин переполняют тосты,  
А женщин мучат узкой модой туфли.  
Уже готовы запахи рвануться,  
Уже готовы рюмки ртов коснуться,  
Уже один последний миг остался—  
И всё начнется, брызжа и звеня...  
Скорее бы хоть кто-то догадался  
К себе на праздник пригласить меня!

## КАМНИ

Камни бывают разные:  
Мерзлые, в белом инее,  
Красные, обожженные,  
Смутные, сизо-синие.  
Камни бывают добрые,  
Властные и бессильные,  
Камни бывают тихие,  
Словно плита могильная.  
Камни бывают злобные,  
Наглые, лупоглазые,  
Камни бывают подлые—  
Те, что лежат за пазухой.  
Рыжие, изначальные,  
Камни здесь пахнут древностью  
И укоряют путника  
В суетности и бренности.  
Тихо иду над пропастью,  
Время в оцепенении...  
Только река ворочает  
Камни твои, Армения!

## УТРО

Мне не спалось упорно. За окошком  
Зурна звенела горестно и зябко,  
Выплакивая старых слез запас.  
Мне не спалось. Меня печаль томила—  
Тоска зурны, безмерность ночи южной,  
Какая-то щемящая обида...  
И я решила: завтра же уеду,  
С утра отправлюсь в городскую кассу  
И—никогда... Я шла по Еревану.  
Фонтаны били. Розовел Масис.  
В садах и скверах осень полыхала.  
Я вышла слишком рано. Тишина  
Еще дремала на пустых проспектах,  
Высокогорность свежестью бодрила,  
И под гору легко шагалось мне.  
Совсем одной. Лишь кое-где, зевая,  
Показывались дворники в воротах,  
И зачастили, зашуршали мётлы,  
Прилежно выметая тишину.

Потом, тревожа дробным шагом площадь,  
Прошла к заводу утренняя смена  
И растеклась по улицам ночная.  
Вот где-то горны протрубили зорю,  
И солнце стало вверх ползти, как флаг,  
Торжественно и тихо. Проявлялись  
Оттенки туфа—розоватый, желтый,  
И город засветился изнутри.  
Повысыпали школьники. Сначала  
Старательные двигались солидно,  
Потом заторопились лежебоки,  
И, всех сшибая, побежали сони...  
Я шла по Еревану. Замелькало,  
Задвигалось всё сразу, загалдело.  
Слепило солнце, небо, листья, взгляды.  
И чем я ближе к цели подходила,  
Тем почему-то медленнее шла.  
Кассирша мне сказала: „Нет билетов“.  
И вдруг сверкнула черным, влажным взором:  
„Э, джаник, а куда вам торопиться?  
К своим дождям?.. Смотри, какое утро!  
Мы так легко гостей не отпускаем...“  
Я шла по Еревану—мне казалось,  
Что ласковой земли на свете нет!

\* \* \*

Плывет закат над милым Ереваном  
Последним уходящим караваном,  
Протяжно стонет тонкая зурна.  
Здесь мой отъезд оплачет лишь она,  
Да кто-то, твердо бросивший курить,  
Махнув рукой, закурит, может быть,  
И, подойдя к раскрытому окну,  
Запрет его, чтоб заглушить зурну.

\* \* \*

Пламя глаз этих жжет нежданно—  
Холод чудится в них скорей.  
Так всегда, подходя к Севану,  
Одеваешься потеплей.

Ветер горный студеный кружит  
Над водой его жарким днем.  
Лишь позднее ты обнаружишь,  
Что тебя обожгло огнем.

## СТАРЫЙ БАЗАР

### 1. Старик

Гортанным криком надрывая глотки,  
Живет базар привычной жизнью старой,  
И, как всегда, перебирает четки  
Слепой старик на краешке базара.  
А полдень пахнет чесноком и мятой,  
Пьянит маджаром, жжет, как перец горький,  
Течет, как персик, каблуком примятый,  
И холодит ледком арбузной корки,  
Гудит, жужжит, как мухи над изюмом,  
Сжимает горло песнями скитальцев,  
Хрустит редиской под здоровым зубом,  
Шуршит шершавой кожей старых пальцев,  
Что косточки отсчитывают четко,  
Как времени короткие удары...  
Сидит старик, перебирая четки,  
Слепой старик на краешке базара.

## 2. Песня

Идти не в силах, будто в землю врос,  
Стою на берегу.

Я полон слез, я полон жгучих слез,  
А плакать не могу.

За годом год роняет лист лоза,  
Шесть лет я жду любя.  
Я умереть готов за те глаза,  
Что видели тебя.

Я эту песню для тебя пою—  
Без песни как мне жить?..  
Пусть тот ослепнет, кто любовь свою  
Осмелится забыть...

\* \* \* \* \*

## 3. Раннее

Раннее, рьяное,  
Красно-зеленое,  
Сладкое, пряное,  
Горько-соленое,  
Желтое, жгучее,  
Солнцем умытое,

Синью летучею  
Густо накрытое...  
Щедрость несметная,  
Скаредность злобная,  
Песня бессмертная,  
Ругань утробная,  
Боль незажившая,  
Радость угарная—  
Век свой изжившее  
Царство базарное!

#### 4. Песня

Пламя бед  
Спалило силы,  
Горек стал мой хлеб.  
Белый свет  
Ты превратила  
В черный склеп.  
Ты обет  
Любви забыла—  
Я от слез ослеп...

## САРЬЯНУ

Разбушевались краски,  
Просто с ума сошли.  
Тянет жаром от красной,  
Точно уголь, земли.  
Синь, густая и маркая,  
Каплет меж рыжих скал,  
Желтая тропка жаркая—  
Ослик устал и стал...  
Помидоры и персики,  
Перцев огненные крючки—  
Краски смеются дерзкие:  
„Протрите, — кричат, — очки!“  
Краски бунтуют: „Зрячие  
Радостью жить должны!“  
Краски текут горячие  
На стену со стены.  
Отягощают, как счастье,  
И выпрямляют, как гимн...  
В сером халате мастер

Входит к холстам своим.  
Со стен к нему тянутся листья,  
Рвутся из рам ручки.  
Он держит в руках не кисти,  
А солнечные лучи.

\* \* \*

Я люблю художников Армении  
Праздничные жаркие полотна—  
Красный камень, желтокожий персик,  
И Севан, как подоженный спирт.  
Я люблю их. И уйдя я долго  
Всё еще держу перед глазами  
Яркость их. И радуюсь ей долго.  
Но потом, в Москве, припоминая  
Тишину долины Араратской,  
Я, сама не знаю отчего,  
Вижу не боренье властных красок,  
Не тщеславный званый стол природы,  
Собранный, чтоб поразить гостей.  
Вижу я дорогу к Аштараку,  
Рябь серо-коричневого камня,  
Древнего, горячего, скупого,  
Землю, что растрескалась, как губы,

Жаждающие малого глотка.  
И от этой блёклости пустынной  
Или по какой другой причине  
Мне, рожденной меж осин и сосен,  
Душно перехватывает горло.

\* \* \*

Мастеровой не может не работать—  
Он упускает тайну ремесла.  
Он, как бедняк, пожизненную подать  
Сверх силы платит ей. Нехваткой сна,  
Усталостью, морщинами. И горе  
Рискнувшему схитрить, проспаться, надуть...  
Потерян срок. И вроде тайной хвори  
Оно приходит исподволь: чуть-чуть  
Ленивей глаз, нерасторопней тело,  
Тупее пальцы, в строчке больше слов...  
Но, мастер, ты проигрываешь дело.  
Ты будешь осужден! Начни с азов.  
Поторопись. Бездельники налгали,  
Что верящий в старание убог,  
Чужд божества... Вздор! Боги обжигали  
Горшки когда-то. Обожги как бог!  
Но поглота́й и ты печную копоть,  
Побей огню поклонов без числа...  
Мастеровой не может не работать—  
Он упускает тайну ремесла.

## ВЕЧЕРНЕЕ

Схлынул жар,  
В снегах закат угас.  
Пьем маджар  
В колхозе „Воскеваз“.  
Пьем туман,  
Стеклянный холод пьем—  
Запотел стакан,  
А жжет огнем.  
Небеса на нас  
Косятся тьмой,  
В этот час  
Бредут стада домой,  
И под мерный  
Дробный стук копыт  
Мир вечерний  
Засыпает, спит...  
Тишь исходит  
От ночных земель.  
В жилах бродит  
Виноградный хмель.

\* \* \*

О как меня мальчишки в детстве били!  
Сперва они дрались между собой,  
Кряхтя, сопя, до синяков и ссадин  
Друг друга колотили. Или строго,  
По правилам классической дуэли,  
Считая шаг, дрались. Из-за меня.  
Успех! Но как он был своеобразен,  
Когда взаимно ненависть смирив,  
Мальчишки всю оставшуюся ярость  
Обрушивали дружно на меня.  
Все как один. И даже секунданты...  
Смятённость младших классов! Бес любви!  
Преследующий взгляд, косноязычье  
И тайное желание ударить!..  
Как часто замечала я его  
В дрожании мужских тяжелых пальцев.

\* \* \*

Я послезавтра уезжаю,  
И это, кажется, к добру.  
Я ничего не обещаю  
И обещаний не беру.

Я послезавтра уезжаю;  
Махни вдогонку мне рукой...  
Возьми—я снова возвращаю  
Тебе твой будничный покой.

Живи, как все живут на свете,  
В привычной смене чинных лет,  
И не смотри, как ночью светит  
Над спящим Норком красный свет.

Не слушай, как внизу клокочет  
Неугомонная Зангу.  
Она, как я, наверно, хочет  
Век разбиваться на бегу,

Лететь, судьбу опережая,  
Вслед за собой других маня...  
Я послезавтра уезжаю.  
Не нужно вспоминать меня!

\* \* \*

Прозрачный декабрь закавказский,  
Слепящие горы вокруг,  
И власть этих сильных, как в сказке,  
Тебя воскрешающих рук...

Бесшумно состав отбывает,  
К стеклу ты прижалась лицом—  
Ведь сказки у взрослых бывают  
Всегда с несчастливым концом.

\* \* \*

Я, наверное, неправа.  
Ты мне злые прости слова.  
Ты мне радость и боль прости.  
Ты домой меня отпусти.

Мы смотрели вчера с тобой,  
Как змеится Аракс седой,  
И его вековая мгла  
Между мной и тобой легла.

Близко-близко встал Арарат—  
Под закатом снега горят—  
Но нельзя подойти к нему  
Никому из нас. Никому.

Ты пойми меня и прости.  
Ты совсем меня отпусти  
В мой далекий, в мой тихий дом  
И добром помяни потом.

\* \* \*

Стянула волосы в узел я,  
Платок потеплей надела,  
И вот уже кружит Грузия  
Меня по дорогам белым.  
Над мглистыми пропастями,  
Над мшистыми крепостями,  
Над голубой водою,  
Над радостью и бедою.  
Машет в лицо мне хмелем  
Струей родниковой брызжет,  
Июньские травы стелет  
По склонам декабрьским рыжим,  
Уводит со дна долины  
На снег, что к вершинам розов...  
Прости меня, край орлиный,  
Что вижу тебя сквозь слезы,  
Что делаю все усилья,  
Чтоб скрыть от тебя усталость,  
Что за севанской синью  
Сердце мое осталось.

\* \* \*

Мужское сдержанное горе  
Чертой у сжатых губ легло.  
Но вот уже дымком предгорий  
Лицо твое заволокло.  
Но вот уже Кавказ стеной  
Сомкнулся за моей спиной.  
И вот я глаз твоих не вижу,  
И рук к тебе не протянуть.  
И дальше путь. А ты мне ближе,  
Чем мог желать когда-нибудь.

\* \* \*

Секунда едва ощутимых усилий—  
И легкими стали тяжелые крылья.  
И снег на вершинах слепит, словно пламя,  
И небо лежит, как шоссе, перед нами.  
Прощайте все те, что, пронежась в постели,  
Нам счастья в пути пожелать не успели.  
Прощайте, друзья; вы несметно богаты—  
Ведь вам оставляю я синь Арарата,  
Я вам оставляю и лето и солнце...  
Прощайте, прощайте, на север несемся!  
Я вам оставляю, я вам оставляю  
Щемящую песню армянского края,  
И туф разноцветный в селеньях кавказских,  
И сразу пьянящий маджар воскевазский.  
Я слишком люблю вас, друзья, чтоб  
скупиться:  
Я жизни своей оставляю страницу,—  
Страницу, где счастье, где лето и солнце...  
Прощайте, прощайте, на север несемся!

\* \* \*

За сосны солнце опускается,  
Чуть золотится сквозь кусты,  
Лучами тонких трав касается,  
Прощаясь издали, как ты.

Оно идет—не остановится,  
Открыв ворота темноты.  
Минута—и оно становится  
Воспоминанием, как ты.

\* \* \*

Плывут  
По небу погожему  
Белые облака,  
На горы твои  
Похожие  
Издалека.  
Их снежное дуновение  
Чудится в вышине.  
И кажется,—  
На мгновение  
Ты подошел ко мне.

## РЕХАН

Камень рыж и обветрен,  
Обветрен и рыж.  
Солнце трепетным светом  
Касается крыш,  
Этих плоских и древних,  
Где сушат рехан.  
Над армянской деревней  
Редает туман...  
От Москвы вдалеке  
Пью я этот рассвет,  
Вдалеке-налегке,  
С малой тяжестью лет.  
Свет, вполнеба горя,  
Мне кричит: выходи!  
Это только заря,  
День еще впереди!  
Целый день без конца—  
Путь, зовущий гонца.  
Сколько в нем обещаний

И сколько дорог...  
... Солнце тихо лучами  
Легло на порог;  
Солнце медленным светом  
Спускается с крыш.  
Камень рыж и обветрен,  
Обветрен и рыж.  
Ближе к дому деревья,  
Тондиры дымят—  
Над армянской деревней  
До света закат.  
Пахнет травами стол,  
Греет хмелем ленца,—  
Как он быстро прошел,  
Этот день без конца!..

...Я сегодня сушеный  
Рехан достаю,  
Вспоминаю короткую  
Юность свою,—  
Целый день без конца,  
Как он быстро прошел!..  
Тьма стоит у крыльца,  
Пахнет травами стол.

\* \* \*

Не раз менялось всё с тех пор,  
Как мы, Армения, расстались:  
Другие цепи дымных гор  
Передо мною расступались,  
Иная красила заря  
Туманные пути земные,  
И ближним заревом горя,  
Светили мне глаза иные.  
Но ржавый блеск внезапных скал,  
Рывок дороги под мотором  
Незванно мне напоминал  
Тебя в тот год, меня в ту пору.  
И голова кружилась вдруг  
На самом безопасном месте,  
И в горле бился сердца стук,  
Как будто мы не врозь, а вместе.

## СОНЕТ

Я еду не к тебе. Так много время смыло!  
Я еду не к тебе: ты мной в расчет не взят.  
Я еду в тишину. Протяжно и уныло  
Стучат колеса, двигаясь назад.

Я еду во вчера. Обратно. Наугад.  
Туда, где ничего ничто не изменило,  
Где мы уже не властны всё подряд  
Ломать своей сегодняшнею силой.

Я еду не к тебе. Когда все это было?..  
Ты можешь тихо спать, как праведники спят.  
Я еду в осень. В ту, что окропила  
Меня огнями с головы до пят.

Я еду к той земле, что так меня томила,  
Где всё, кроме тебя, из-за тебя мне мило.

\* \* \*

Страшно, что нас оставили  
Люди совсем одних?  
Смотришь глазами Авеля—  
Скорбь и прощенье в них,  
Поздних лесов окалина,  
Осени жесткой жечь...  
Что-то в тебе от Каина  
Все-таки тоже есть.

## ДЕНЬ ОТЧАЛИЛ...

И взлетел Арарат.  
От подножья  
Отошел в просветленность пространства.  
Всё теряет свой вес  
И не может  
Устоять перед искусом странствий.  
Всё плывет.  
Вот и сучья, как снасти...  
Осень волнами рушится с веток.  
И дарует иллюзию счастья  
Изобилие  
Желтого цвета.  
День отчалил.  
Он издали машет,  
Он младенчески тих  
И безгрешен.  
И вздыхают  
Под тяжестью нашей  
Благородные листья черешен.

Ночь нисходит, ступая не гулко.  
Наклоняется, купол объемлет,—  
И качает  
Ту старую люльку,  
Где, устав,  
Человечество дремлет.

## ЕРЕВАНУ

Как странны наши отношенья  
С тобой, как давни, Ереван!  
В них—напряженье притяженья  
Взаимного.

В них расторженья  
Провалы.

Резкость и туман.

Как ты бежал ко мне навстречу,  
Из-под крыла рванувшись в высь!..  
А провожал—и целый вечер  
Огни твои, вясь, как свечи,  
В слезах за поездом влеклись.  
Металось и дробилось пламя,  
И стыли блики на стекле..  
Зато какой туман меж нами  
Залег в том злобном феврале!  
Он весь был копотью наполнен,  
Скорее черен был,  
чем бел...

И ты грехи мои припомнил,  
Мне мстил и полночью, и полднем  
И вирусом во мне сипел.  
В жару мотал меня  
и бредом

Душил,  
и сам давил, как бред...  
И вот теперь я снова еду  
К тебе,  
переступив запрет,  
В твой желтый, в твой осенний свет.  
Стою,  
окно обняв руками,  
И глаз не отведу никак  
От камня.

Снова—камень, камень...  
Он сух и тверд, он рыж и наг,  
Морщинист, точно старый маг,  
Гвоздящий древними зрачками...  
И—нету больше зла меж нами:  
Я поднимаю белый флаг.

## С В Е Т А Р А Г В Ы

---

\* \* \*

Свет Арагвы, несбыточный свет,  
Возникающий в яркости дня,  
Чтоб лететь через сумерки лет,  
За собой в бесконечность маня.

Он зовет, этот блеск голубой,  
Не дает оглянуться ни разу.  
И летят над моей головой  
Сумасшедшие ночи Кавказа.

\* \* \*

Столетия дремлют в древнем храме,  
Полдневный сумрак пуст и строг.  
Обремененные грехами  
Ступаем на гремучий камень,  
На стертый временем порог.  
Забывтый храм угрюм и страшен,  
Его давно покинул бог  
Затем, чтоб прегрешенья наши  
Нам отпустить никто не мог.  
Здесь воздух сух, здесь небо рядом,  
Здесь изморозью дышит мгла,  
Здесь одичавшим, смертным взглядом  
Косит архангел из угла.

\* \* \*

Спаси меня, Грузия, ласковый край,  
Мне легкий свой, праздничный нрав передай.

С обидой пришла я. Прими. Не покинь.  
Утешь меня, Грузия, райская синь.

Старинным забвенным вином опьяни,  
Мне на плечи звезды свои урони.

Да вкрадчивым словом смятенье уйми,  
Да песней смертельной плотней обойми.

Наставь, закружи, уведи, чтоб забыть,  
Заставь, прикажи, повели—не любить.

Зеленая Грузия, белая даль!  
Ты сможешь? Ты сможешь... Да я-то едва ль!

\* \* \*

Закатный туман над Мухрәни,  
Рожденье звезды в Сагурәмо,  
Арагвы ночной бормотанье  
У ног седоглавого храма,  
И сонная лунная Мцхета,  
И небо — вместилище света...  
Я всё это в памяти зрячей  
Надежно и прочно упрячу,  
Чтоб греть этих дней отголоском  
Московскую хмурую осень.  
Чтоб в старости, если случится  
Грустить, в ее сумрак уставясь,  
Внезапным весельем упиться  
Заносчивой внучке на зависть.

## ВЫСОТА

Ты любишь свет снегов,  
Медлительную высь,  
Где долог звук шагов,  
Стремительнее мысль?  
Где взор, как нож, остёр  
И крылья за спиной,  
И дан тебе одной  
В удел простор земной,  
И на сто верст—покой,  
Ни крова, ни жилья?..  
На высоте такой  
Видней мне жизнь моя!



\* \* \*

Жара в Кварели и Хашури.  
А здесь под ветром стонут ели,  
А здесь ревет, как море в бурю,  
Сквозняк Боржомского ущелья.  
Здесь тучи тянут с гор прохладу,  
Чтоб преградить дорогу зною...  
Как утешенье, как награда,  
Сквозняк бушует надо мною.  
Гудит—и слов твоих не слышу,  
Меня кружит ветров веселье,  
Мне в уши дует, в уши дышит  
Сквозняк Боржомского ущелья!

## В ГОСТЯХ

Спины у гостей прямей, чем стулья,  
А усы, намокнув, виснут книзу,  
Как у тех троих князей грузинских,  
Что пируют вот уж полстолетья  
По веленью Нико Пиросмани.

Наш хозяин щедр, как все грузины,  
И столы дымятся так же густо,  
И вина в кувшинах так же вволю,  
Как на старых треснувших клеенках  
Голодранца Нико Пиросмани.

Пронесла цыплят старуха в кухню,  
Не в ущельях мгла—в ее морщинах,  
А в глазах сочувствие и знанье,  
Как во взгляде рыжего оленя,  
Взысканного Нико Пиросмани.

\* \* \*

Поют, поют, поют—  
Плывет многоголосье...  
А, может, не поют,  
А бродит в чанах осень?  
А, может, не поют,  
А горы небо славят?  
Поют, поют, поют:  
Как жизнь на карту ставят,  
Как защищают честь,  
Как храбрость чтут до гроба...  
И каждый голос здесь  
Живет судьбой особой.  
И каждый к сердцу льнет,  
С ползучим хмелем схожий,  
И эхо всех высот  
Многоголосье множит.  
Поет, поет, поет  
Здесь каждый камень древний—  
Ты слышал, как поет  
Грузинская деревня?

## НАБИРАЯ ВЫСОТУ

---

\* \* \*

Устав от медленного странствия,  
Дорога в бешеном кружении  
Буравит горы дагестанские—  
Земных слоев нагромождение.  
Они щербатые, горбатые,  
В тяжелых каменных морщинах,  
Сверкают выжженными скатами,  
Готовясь сбросить вниз машину.  
Над нами нависают кручами,  
Обвалом под ноги бросаются...  
Аулы, спрятавшись за тучами,  
Ночами ближних звезд касаются.  
Дорога прямо в небо синее  
Ведет нас по отвесным глыбам  
Туда, где смотрит высь орлиная—  
Как мчится время над Гунибом.  
Весь Дагестан с его пределами  
Отсюда виден в день погожий...

Хочу, чтоб этот путь проделали  
Однажды наши внуки тоже:  
Пусть дышат ветром, губы студящим,  
И пусть не знают, как ревную  
Я к ним, родным, счастливым, будущим,  
Всю эту красоту земную!

\* \* \*

Нас удивил старик в Хунзахе:  
Сидел на плоской крыше он  
В бараньей шубе и в папахе,  
Как камень, вросший в горный склон.  
Сидел, поджав сухие ноги,  
Уставив неподвижный взор  
Туда, где, осветив отроги,  
Всходило солнце между гор.  
Он видел старыми глазами,  
Как загоралась высота...  
Ему—в ауле нам сказали—  
Теперь уж, верно, больше ста.  
Мы ездим, смотрим, выбираем,  
А он за долгий жизни срок  
Своим родным суровым краем  
Налюбоваться всласть не смог.

\* \* \*

Мы ехали в аул Цада.  
Наш старый друг Расул  
Вез на машине нас туда,  
В далекий свой аул.

Ложилась на дорогу мгла,  
И ночь грозила тьмой.  
Его в ауле мать ждала,  
И пел товарищ мой.

Шутил: устали—не беда!  
Поголодать не грех!  
Нас всех накормит мать в Цада  
И спать уложит всех.

Хрипел натруженный мотор  
В сгущавшейся тиши.  
Бранясь, чинил его шофер  
У въезда в Леваши.

Я ехала в аул Цада  
И думала о том,  
Что я пошла бы без труда  
Средь этих скал пешком.

Пусть встала б горная стена,—  
Взяла б любой подъем.  
Я шла и пела бы одна,  
Как мы втроем поем.

Пусть ночь, как на пути в Цада,  
И камни на весу,  
И в ноги черная вода,—  
Я вброд прошла б Койсу.

И так же, как Расул теперь,  
Домой спешила б я,  
Чтоб только мне открыла дверь,  
Как прежде, мать моя.

Но не поднять ей никогда  
Гранитную плиту...  
Мы ехали в аул Цада  
Сквозь ночь и темноту.

\* \* \*

Грело солнце землю жарко,  
Пела девушка-аварка  
О весне.  
И, ее услышав, горы  
Подхватили песню хором  
В вышине.

Загорелись звезды ярко,  
Пела девушка-аварка  
О тоске.  
И, узнав знакомый голос,  
Чье-то сердце расколось  
Вдалеке.

Ночь сгорела до огарка,  
Пела девушка-аварка  
Про любовь.  
И, услышав песню эту,  
Затопило солнце светом  
Землю вновь.

\* \* \*

Нас поворот за поворотом  
Уводит ввысь, уводит ввысь!  
Шофер становится пилотом  
Как только крикнет:—Ну, держись!  
И ниже голову наклонит—  
Скорей, минут в запасе нет...  
Как будто вечная погоня  
Назначена за нами вслед.  
Как будто сами мы кого-то  
Еще надеемся догнать  
И поворот за поворотом  
Берем опять, берем опять.  
Как будто нам необходимо  
По этим склонам нелюдимым  
За чьей-то юностью спешить,  
Чтоб не отстать, чтоб петь, чтоб жить,  
Взяв перевал, взбираться к новым,  
Всё набирая высоту,  
Чтоб ветер вечности суровый  
Обжег нам лица на лету.

\* \* \*

Ты дыши, дыши, дыши,  
Ты дыши от всей души!  
Чтоб, как дым, твоя усталость  
Растворялась, разлеталась  
В этой вечной, в этой горной,  
В этой медленной тиши.  
Ты дыши, дыши, дыши...

## ВДОХНОВЕНЬЕ

Я в океане не была ни разу,  
Я на Садовой весь свой век живу.  
Но свежий ветер налетает сразу,  
Чертя другим невидимую трассу,  
И я плыву.  
Здесь только даль,  
Здесь только ширь и свет.  
Здесь места нет для суеты сует.  
Я вижу штиля хрупкое стекло,  
Я вижу неба взмывшее крыло,  
А берега—на сотни верст—нигде:  
За горизонтом скрыты страны света.  
Лишь по упруго выгнутой воде  
Я ощущаю выиуклость планеты.  
Но голос берегов, их властный зов,  
Звучит во мне. Сперва еще без слов  
Зовет вперед и не дает свернуть.  
Как я люблю его,  
Мой тайный путь!  
В нем смысл существования моего,  
И лишь крушенье оборвет его!

\* \* \*

Бог не послал мне легкости.

Ни в чем:

Ни в рифме,

ни в забвенье,

ни в привычках.

И всё — как будто камень за плечом,

а не крыло..

О, есть живут по-птичьи:

Живут — парят,

кружат поверх голов,

Земли едва и нехотя касаясь.

С них желтых узких глаз не сводит зависть,

Их не ломают бедность и любовь.

Весь век играть удачей,

как мячом,

Легко уйти.

Пусть легкий след непрочен...

Бог не послал мне легкости ни в чем.

Пожадничал?

Иль верил ей не очень?

## ВЕСНА—КРАСНА..

Весна—красна?  
Го-лу-бо-ва-та...  
Зеленовата  
И грустна.  
Прозрачна  
И не виновата  
В том, что нимало  
Не красна.  
А осень—  
Та красна,  
Виновна  
В свеченье  
Раскаленных крон,  
В разгуле  
Жарком и греховном  
За два часа  
До похорон.  
Май—бережет  
Июню;  
Ради

Апреля  
Экономит март;  
Октябрь — бобыль.  
Он станет тратить,  
Ломать,  
Мотать,  
Входить в азарт,  
Швырять на ветер,  
Без разбору  
Всё раздавать,  
Со всеми пить...  
И так замерзнет  
Под забором,  
Ненаучившийся  
Копить.

\* \* \*

Не надо приходить на пепелища,  
Не нужно ездить в прошлое, как я,  
Искать в пустой золе, как кошки ищут,  
Напрасный след сгоревшего жилья.  
Ненадобно желать свиданий с теми,  
Кого любили мы давным-давно—  
Живое ощущение потери  
Из этих встреч нам вынести дано.  
Их час прошел. Они уже подобны  
Волшебнику, утратившему власть.  
Их проклинать смешно и неудобно,  
Бессмысленно им вслед поклоны класть...  
Не нужно приходить на пепелища  
И так стоять, как я теперь стою.  
Над пустырем осенний ветер свищет  
И пыль метет на голову мою.

## В ДОРОГЕ

Я еду на север от синего моря.  
Проплыли последние пальмы в окне,  
И вспыхнуло золото пышных предгорий,  
И горы в багровом и рыжем огне.  
За ними—расцветка скупее и проще:  
Как пепел, в станицах седы тополя,  
Да нвы желтеют, да дымные рощи  
Срывают листву и швыряют в поля.  
А дальше—на станциях, мглою объятых,  
Не синь над вагоном, а тусклый рассвет,  
И нету восходов и нету закатов,  
И, кажется, солнца за тучами нет.  
И вот уже голые черные сучья  
И осени русской горючий исход,  
Тревожные мысли да низкие тучи,  
Да серых озябших полей разворот.  
Тяжелое небо в окошки глядится,  
И наискось капли по стеклам текут...  
Но если б мне выпало снова родиться,  
То вновь родилась бы я именно тут!



---

---

С Т И Х И   Д Р У З Е Й

 ПЕРЕВОДЫ  
АРМЯНСКИХ  
П О Э Т О В



**НЕ СМОТРИ ТАК**

В глазах моих ты не отыщешь счастья.  
Чем я на взгляд ответить твой могу?  
Хоть ты со мной, но мне сдается часто,  
Что ты на том осталась берегу.

Мне кажется, что здесь не ты, что это  
Удачливо подосланный двойник.  
А ты—мечта, маячащая где-то,  
Которой я при жизни не достиг.

**ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ**

На днях я шел проселочной дорогой  
И жадно пил осенних трав настой.  
Бежало поле полосой широкой.  
И синий цвет стекал на золотой.

Я шел сквозь осень, сквозь садов обилье,  
Я шел навстречу осени своей.  
И я мечтал ее увидеть сильной,  
В богатстве песен, в щедрости лучей.

### МОРЕ

Простор извивается водный,  
И море беснуется воя,  
И трудно поверить сегодня,  
Что вовсе оно не живое.  
Огромными волнами машет,  
Кричит оно, плачет и стонет,  
И вид его злобен и страшен  
И вовсе не мил мне сегодня.  
Не знаю—во гневе иль в горе—  
С чего оно пену вздымает?  
Не знаю: и как это море  
Так душу мою понимает!

### «МАЛЬЧИК БЕЗ МАМЫ»

Встретил в Москве среди праздника я  
Девушку тонкую с чубом упрямым.  
—Эта прическа,—шутили друзья,—  
Так и зовется: „Мальчик без мамы“.

„Мальчик без мамы“... И вспомнился мне  
Вдруг почему-то туман Арарата.  
И Зангезур в лиловатом огне  
И Арагац, где вовек не была ты.

„Мальчик без мамы“! О где ты сейчас,  
И отчего так бесследно молчишь ты!  
Где этот чуб твой, спадавший до глаз,  
Шаг невесомый, и вправду мальчиший?

И почему—не пойму до сих пор—  
В светлой тиши скандинавского взора  
Мне померещилась синь моих гор?..  
„Мальчик без мамы“—ты видела горы?

*ГУРГЕН БОРЯН*

**КАК МОЖЕТ...**

Обдав меня стужей глаз,  
Ты мимо прошла сейчас.

А улица солнца полна—  
По городу бродит весна.

Ответь мне, ответь, ответь:  
Как могут ручьи сиять,  
Как могут люди шуметь,  
Деревья в цвету стоять,  
И этот пустой простор  
Слепить густой синевой,  
И птиц сумасшедший хор  
Носиться над головой,

Когда ты прошла сейчас,  
Обдав меня стужей глаз...

## ПРОЩАНИЕ

Мы не заметили с тобой,  
Как сумерки сошли в поля,  
Как стала темной и скупой  
На краски щедрая земля.

Как вечер, смутен и широк,  
Запутал ниточки дорог.  
Но вдруг шепнула ты:—Взгляни,  
Вон загораются огни...  
Мерцали,плыли огоньки  
То так близки, то далеки...

Но знала ль ты, что я в тот миг  
Ловил огни в глазах твоих?  
И были эти огоньки  
То так близки, то далеки,  
Так далеки... Хоть рядом мы  
Сидели средь весенней тьмы.

*ВААГН ДАВТЯН*

## РОДИНА

Земля моя, страна моя, страдавшая века!  
Ты—в люльке нас качавшая любимая рука,  
Ты—детская игра моя, что до сих пор нова,  
Ты—мельница упрямая, что вертит жернова,  
Ты—сказка материнская, звучавшая в тиши.  
Ты—речь древнеармянская, ты свет моей души.  
Ты—первое, ты робкое признание в саду,  
За кружевной оградой у ночи на виду.  
Ты—радость черноокая, глядящаяся в даль,  
Мечта моя высокая, далекая печаль.  
Ты—знамя, клятва, мужество, что нас вперед  
вели  
В смертельной битве праведной за счастье  
всей земли.  
Ты—голос призывающий, ты—боевой приказ,  
Ты—щит, оберегающий от всех напастей нас.



Что почва стала горькой, как обида,—  
Растит она крапиву вместо роз.

И вновь я брел, и дверь, как совесть, люди  
Захлопывали предо мной опять,  
И грезил я о доме, как о чуде,  
Чтоб обнял он, согрел меня, как мать.

... У ног моих армянский древний камень.  
Мне лоб целует ветер горных гроз.  
Я строю дом свой сильными руками,  
Его фундамент в кости дедов врос.

Во имя очага под мирной крышей,  
Во имя света и добра его,  
Во имя счастья подымайтесь выше—  
Растите, стены дома моего!

Растите... Завтра ласточкины гнёзда  
Весна налепит под карниз рядком,  
И застучит по стеклам ливень звездный,  
Как песнь, благословляющая дом.

И аисты опустятся на пашни,  
И вновь проснется доброта земли,  
И синий дым взлетит над кровлей нашей,  
Сливаясь с синей вечностью вдали.

**О СЧАСТЬЕ**

Соседка—старушка с сухими руками  
Всегда ко мне жалости острой полна:  
Судьба и любовь, мол, разбились о камень,  
И вот я без друга, одна...  
Но как объяснить мне наивной соседке,  
Что счастье как дар нам вручается редкий,  
Что счастье—особое чувство: оно  
Со мной и во мне рождено.  
Оно над моей колыбелью склонялось,  
Когда, от веселого сна пробудясь,  
В ликующий солнечный утренний час  
Я тихо смеялась—  
Глядела, как краски игрушек горели,  
Как солнце склонялось к моей колыбели.  
Восторг перед миром,  
Наполнивший детство,—

Душа моя им и поныне полна...  
Мы с доброй старушкой живем по соседству.  
Но как объяснить,  
Чтоб сумела она  
Понять—разглядеть сквозь завесу участия,  
Что именно это врожденное счастье,  
Меня переполнив, рванулось в полет  
И сделалось песней, и в мире живет!  
Земля засверкала особенным светом,—  
О трудное счастье—  
Я стала поэтом!  
Но как рассказать мне старушке соседке,  
Что нет одиночества в сердце моем,  
Что солнечный луч, прыгнув в форточку с  
ветки,  
Наполнит весельем мой маленький дом.  
А вечером свет моей лампы настольной  
Глядит на меня, на бумагу в упор.  
И стены пред ним отступают невольно,  
И в комнату входит покой и простор.  
Но как рассказать этой женщине старой,  
Что слово мне высшей наградой дано.  
Поймет ли она, что целительным даром  
От века искусство наделено?  
Я словом болею и словом живу я,  
И раню я словом и раны врачую...  
Так не покинь меня, гордое счастье  
Единственно нужной, заветной строки.

Великая радость быть маленькой частью  
Большого народа, быть каплей реки!..

### **ВЕСНА**

Ты был холодным, белым как зима.  
Любовь моя и та не растопила  
Твой вечный лед. Но близ тебя сама  
Замерзла я, хоть пламенно любила.

Суровой та зима ко мне была,  
И даже в теплом доме сердце стыло,  
И скорбь, как хлопья снежные, бела,  
На жизнь мою ложилась, свет гасила.

Но время шло. Под солнцем таял снег,  
Весна несла восходов полыханье.  
А ты все мерз, холодный человек,  
От своего холодного дыханья.

Весна! Она совсем не всем дана,  
Лишь тем дана, в ком чувств переполненье—  
Смятенье, половодье, быстрина...  
Весна моя! Нет от тебя спасенья!

### **ЧАСЫ ОЖИДАНИЯ**

Не пришел ты... И ночь почернела в тоске.  
Вот и сердце мое, как пустой переулочек.

Лишь клюет тишину чей-то шаг вдалеке,  
Чей-то шаг запоздалый, тревожен и гулок.

Я надеюсь еще. Я вливаюсь во тьму.  
Я слежу, как шаги нашу улицу мерят.  
Вот все громче, все ближе к крыльцу моему,  
Вот сейчас подойдут и затихнут у двери.

Но шаги, удаляясь от двери моей,  
Раздаются в тиши все спокойней и строже.  
И болит мое сердце сильнее и сильнее,  
Будто топчет сейчас его каждый прохожий.

### ГОДЫ СПУСТЯ

Я облик твой хочу сберечь.  
Я не хочу с тобою встреч  
И норовлю с пути свернуть,  
Чтоб не столкнуться где-нибудь.

Да, я хочу, о милый мой,  
Чтоб жил ты в памяти моей  
Таким, таким, как той зимой,  
Той давней ночью без огней.

Чтоб, как тогда, меня любил,  
И той же синью цвел твой взор,

Чтоб ты светлее снега был  
И жег сильнее, чем костер.

Чтоб снова таяла зима  
От жарких губ, от слов твоих,  
Чтоб вновь я верила сама  
В неповторимость смысла их!

Казалось мне тогда—ты мог  
Забыть и славу и себя,  
И мир восторгов, мир тревог  
К ногам моим сложить любя.

Да, я хочу тебя сберечь,  
Я не хочу с тобою встреч,  
С тобой—потухшим, серым, злым...  
Иди один путем своим.

### **ВЕРНОСТЬ**

Если б ты знал, сквозь какие напасти,  
Сквозь какие туманы тебя я несла!..

Огни твоего возвращенья угасли,  
И шла я на ощупь, но все-таки шла.  
Мне сердце немислимой ношей казалось,  
Дорога была от соблазнов душна,  
Пьяня как вино, искушенье металось,

Но я—я в обратную сторону шла.  
И если случайное доброе слово  
Кого-то за мной уводило подчас,  
Зеленый огонь светофора я снова  
Меняла на красный—огнем своих глаз.

На празднике шумном  
Всех звонче был смех мой, пожалуй,  
И многим он отзвуком счастья казался,  
поверь...

Но вечером поздним,  
Прощаясь с моим провожатым,  
С любезной улыбкой  
Закрыла я накрепко дверь.  
И я погружалась  
В свое одиночество снова,—  
Не смейся, не смейся!  
Осталась я верной судьбе.  
Любви моей свету,  
Желанию счастья большого,  
Всей сути моей я осталась верна—  
Не тебе!

\* \* \*

То кляня, то гоня, то маня,  
Вслед мне смотрят глаза, обжигая.  
Сын мой, сын, посмотри на меня  
Так, чтоб глаз отвести не смогла я.

Рук не знала я злей этих рук,  
Но не знала добрей и нежнее.  
Чтоб меня не похитили вдруг,  
Обними меня, сын мой, сильнее.

Так порой над обрывом бежит  
Тропка слабая ниточкой тонкой...  
О, спаси меня, сын. Удержи  
Всемогуществом власти ребенка!

### ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Если я не люблю тебя,  
Отчего же зима светла,  
Солнце полно тепла,  
Синь плывет, а не мгла,  
Если я не люблю тебя?

Если ты не любишь меня,  
Зачем в переулке твоём  
Зовёт меня каждый дом  
И машет листва кругом,—  
Если ты не любишь меня?

Если оба не любим мы,  
Откуда же столько звезд,  
Откуда радуги мост,  
А мир так красив и прост,—  
Если оба не любим мы?

## ПО НАРОДНЫМ МОТИВАМ

### 1. В ЭТУ НОЧЬ

И в эту ночь, и в эту ночь  
Грустит цветок в саду моем.  
И в эту ночь—как ей помочь?—  
Звезда печалится о нем.

И в эту ночь, и в эту ночь  
Друг к другу тянутся они,  
Но дотянуться им невмочь,  
И врозь останутся они.

И каждый день, когда с зарей  
Звезда покинет небеса,  
Сырой предутренней порой  
В глазах цветка блестит роса.

Блеснет слеза в глазах цветка,—  
Ах, как разлука нелегка!  
Звезда, что сердцу так близка,  
Недостижимо далека...

### 2. НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Прохлада ночная...  
Усни, усни!  
Стою у окна я.  
Усни, усни!

Уйду, коль захочешь.  
Усни, усни!  
В безмолвии ночи  
Усни, усни...

Ах, сердце, тревожно  
Так не стучи!  
И ты, если можно,  
Усни. Молчи...

\* \* \*

Я сделала всё, чтоб сложить пьедестал,—  
Поднять тебя вверх над обычной чертою,  
Держала сама, чтобы вниз не упал  
С вершины, искусно воздвигнутой мною.

Тебя заполняя мечтою своей,  
Пыталась считать пустоту глубиною.  
И крылья живые приклеивать ей,  
Забыв, что взлететь-то вовек не дано ей.

Себе я лгала, чтобы верить в тебя,  
В тебя одного до конца, до предела,  
Глаза закрывала, зубами скрипя,  
Чтоб видеть тебя тем, кем видеть хотела.

Но—вдребезги вымысел!.. Трудной ценой  
Мы платим за выдумки—трезвостью тяжелой.  
За истинный камень заплачено мной,  
А ты оказался обычной стекляшкой.

### ВДОВЕ ГЕРОЯ

Твоя утрата выше слез и стонов—  
Ведь тот, кто был тобой, как жизнь, любим,  
На подвиг шел во имя миллионов.  
А был весь век твоим—и лишь твоим.

И словно кован из прочнейшей стали,  
Он мужество швырял в лицо врагам.  
Пред ним, как пред грозой, отступали—  
А он, как мальчик, льнул к твоим рукам.

Нет меры горю. Но высокий жребий—  
В последний миг в глазах героя всплыть,  
Взлететь лучом в его померкшем небе,  
В движенье губ его предсмертном быть.

Какая это праведная участь—  
Жить негасимой памятью о нем,  
Сокрытою, бесслезной мукой мучась,  
Любить его, гореть его огнем!

А в трудный миг печали и обиды  
Его письмо достать, как талисман,  
И гордой стать, и слез своих не выдать,  
И пересилить боль живучих ран.

И озаряясь светом этим прошлым,  
Живой любовью мертвого любя,  
Встать над соблазном, над довольством  
пошлым, —  
Пусть гибнет, разбиваясь о тебя!

Любовь большую, данную навеки,  
Нести сквозь расстоянья и года,  
И памятью о милом человеке  
Быть окрыленной щедро. Навсегда.

Быть с ним весь век — и значит,  
крепче вдвое,  
Идти вперед наперекор судьбе...  
Пусть все вокруг зовут тебя вдовою.  
А я — а я завидую тебе.

### ЛЕНИН

Прищур твой добрый,  
Форма лба крутая  
Различны в разных мира уголках:  
Чуть-чуть китаец ты

На знамени Китая,  
А под резцом араба—  
Чуть феллах.  
У негра на значке  
Ты темнокож  
И на индуса в Индии похож.

Рожденное над Волгой в год далекий,  
Объемлющее все материки,  
Всех языков оно впитало рокот,  
Во все вошло навечно языки—  
Твое, родное всем народам, имя!  
Весна земли,  
Зовущая вперед,  
Живая кровь,  
Несомая живыми,  
Надежда,  
Без которой жизнь умрет!  
Вот почему живешь ты, обретая  
Все новые и новые черты:  
Чуть-чуть китаец ты  
На знамени Китая,  
Чуть-чуть феллах  
В арабском камне ты.  
У негра на значке  
Ты темнокож  
И на индуса—в Индии похож.



Я иду, а за мною — поля да поля,  
Да дорога проходит сквозь них напрямком.  
Бесконечна дорога, бескрайна земля...  
Машет девушка вслед мне прозрачным  
платком.

И теперь — оглянусь, и сквозь дальний дымок  
Вижу снова: дорога бежит, как строка.  
Как строка — лучше всех мной написанных  
строк! —  
Бесконечна дорога, земля широка...

Гаснет солнце, окрасил закат высоту,  
Догорают лучи на обрыве крутом.  
Машет девушка, стоя на ветхом мосту,  
Машет вслед мне прозрачным и давним  
платком

\* \* \*

*Ваану Теряну*

Прежде чем строчку свою написать,  
Звездочки ставит поэт на листе.  
И начинают гореть и блистать  
Звездочки те.

Как-то в осенний предутренний час  
Сердце поэта замолкло в тоске;  
Звезды тянулись, печально лучась,  
К мертвой руке.

Звездочки... Три их стояло подряд...  
Точно созвездие в небе родном,—  
Так и живут они там и горят,  
Помнят о нем.

Что написать собирался поэт?  
Людям чего подарить не успел?  
Звезды, ну что ж вы! Не скажете? Нет?  
Лист пожелтел...

*МАРО МАРҚАРЯН*

\* \* \*

Когда ступила я на твой порог,  
Никто мне не сказал, как ты сложна—  
Как ты прекрасна, как твой краток срок,  
Как до последней капли вся нужна.  
И школьный аттестат свой взял с собой  
Да о любви неясную мечту,  
Я смело на порог ступила твой.  
И ты предстала мне в огнях, в цвету.  
Я шла и ноги разбивала в кровь—  
Лишь на бумаге, видно, легок путь,—  
Я падала и подымалась вновь,  
И вновь мечта мне наполняла грудь.  
Сто раз меня надежда в даль вела,  
Сто раз в пути сбивалась я с пути,  
Сто раз любовь меня с собой звала,  
И я была не в силах не пойти,

Но с каждым днем все тверже шаг мой был,  
И путь мой был все чётче и прямей.  
Горячий летний день меня слепил,  
Пылал зенит над головой моей.  
Но и теперь, поверь, о жизнь моя,  
Мне кажется, кончается урок,  
И вся в мечтах, волненье затая,  
Ступаю я на светлый твой порог.

### СЕЛО МОЕ

Я давно отпустила  
Свой цветастый подол,  
Вдоль проспектов и улиц  
Путь мой быстрый пошел.  
Но и нынче ночами  
За рабочим столом,  
Тщась нащупать границу  
Между светом и злом,  
Вижу звезд твоих пламя,  
Синей ночи крыло, —  
Сколько листьев сменилось  
И воды утекло  
С той поры, как девчонкой  
Я смотрела в окно. . .  
Но крестьянским ребенком  
Век мне быть суждено!

Сколько б мне тротуаров  
На веку ни пройти,  
Сколько б важных проспектов  
Ни легло на пути,  
Не затмить им далекой  
Слабой тропки твоей  
С яркой радугой детства  
Над простором полей!

\* \* \*

Тяжелая лоза,  
Прозрачная роса,  
В тондире над золой  
Пекущийся лаваш,  
И тихий старый пшат,  
На дом глядящий наш,  
И треснувший кувшин—  
Веков далеких сын,  
И выцветший хачкар  
С истертой сеткой букв,  
И Комитаса песнь—  
Протяжный скорбный звук,  
Севана синий взгляд,  
И строгий Арарат,  
Щепоть родной земли,  
И розовый гранат

Пускай в душе твоей  
Зажгут огонь живой,  
Напомнят пусть тебе  
Край позабытый твой,  
Напомнят пусть тебе  
Твой отчий дом и сад  
И матери твоей  
Печальный добрый взгляд.

\* \* \*

Снова думаю я о тебе.  
Вот и выплыл ты вновь из прошлого—  
Видно, крепко в моей судьбе  
Поселился ты, гость непрощенный.

Дым из сердца глубин идет,  
Горький-горький, глухой, удушливый—  
Отгоревшее пламя жжет  
С новой болью сегодня душу мне.

\* \* \*

Едва кивнул мне головой—  
Спасибо за внимание!—  
Как вмиг сравнил меня с другой—  
Спасибо за внимание...

И показалась я тебе  
Не знающей изящества,  
И показалась я тебе  
Огня лишенной начисто.

Но все ж улыбкой подарил,  
Промолвив: до свидания!—  
И вновь улыбку повторил—  
Спасибо за внимание!

\* \* \*

Люди спешат на вокзал,  
Несут на вокзал цветы.  
Кто-то сейчас сказал,  
Что скоро приедешь ты...  
А я побреду домой,  
Спрошу у стены немой:  
— Как дальше мне, дальше жить?  
Ведь должен же кто-то быть,  
Кто может помочь забыть.

\* \* \*

Если скажу, что забот не знаю,  
Мне все равно не поверит никто.  
Если скажу, что смеюсь всегда я,  
Мне все равно не поверит никто.

Часто дорога была нелегка мне—  
Так же, наверно, как вам, друзья.  
Ноги изранила я о камни—  
Так же, наверно, как вы, друзья.

Трудно давались мне дни покоя—  
Так же, наверно, как вам, друзья.  
Часто томится душа тоскою,  
Часто о многом печалюсь я.

Многое память хранит ошибкой,  
Но часто она, словно пламя жжет...  
То с болью, то с горечью, то с улыбкой  
Листаю, как книгу, за годом год.

Трудная мучит меня забота:  
Прожить мечтаю на свете я  
Без заблуждений и без просчетов—  
Так же, наверно, как вы, друзья!

*РАЧИЯ ОВАНЕСЯН*

\* \* \*

Над озером, на этом сером камне,  
Сидели мы обнявшись год назад,  
И было очень весело тогда мне  
Смотреть, как тонет медленный закат.

В тебя одну я веровал влюбленно—  
Любить навеки обещал твой взгляд.  
Замшелый камень мне казался тронем  
Моей любви, царившей год назад.

И снова солнце золотые сети  
Вытягивает тихо из воды,  
Но я один ловлю мгновенья эти,  
Один встречаю первый свет звезды.

С печалью сердца справиться бессильный,  
У камня опустевшего стою,  
И кажется он мне плитой могильной,  
Где я похоронил любовь свою.

\* \* \*

Говорят, что лебедь только раз  
Любит. Но навек любовь его.  
И лишь раз поет он—в смертный час—  
Песнь живого сердца своего.

Долго в жизни я искал тебя,  
Я искал и знал, что ты придешь,  
И тебя, одну тебя любя,  
Этим стал на лебеда похож.

Но на то и есть я человек,  
И кипит во мне не птичья кровь,  
Чтоб не раз, не два, а весь свой век  
Воспевать тебя, моя любовь!

Ты живи, любовь моя, живи,  
Ты на сильных крыльях мчи вперед!..  
Я мечтаю о такой любви,  
Чтоб не знал конца ее полет.

\* \* \*

Скажи, о чем тогда  
В саду ночном  
Шептала нам вода?  
О чем? О чем?  
Молчало все вокруг—  
Дома, сады,  
Лишь лился тонкий звук,  
Напев воды.  
Там где-то позади  
Была скала,  
И из ее груди  
Вода текла.  
Молчали мы в тот час,  
Но без речей  
Он все сказал за нас—  
Ночной ручей.

\* \* \*

Плещутся дети в горной реке,  
По травам росистым бредут лугами,  
И носятся крики их вдаль  
Над тихими древними берегами.

Давно уже стали водой морской  
Те волны, что детство мое качали,  
И травы, по коим бежал босой,  
Давно уже черной землю стали.

И росы, что мяла нога моя,  
Не раз поднялись и прошли дождями...  
Неужто вот так же когда-то я  
Бежал здесь с отчаянными друзьями?

Не сыщешь их в грохоте наших дней—  
Пиратов, разведчиков, робинзонов,  
Как след той далекой волны моей,  
Как травы те мягкие в росах сонных.

Подняв над собой высоко клинки,  
В атаку другие бегут ребята,  
Другие, другие плетут венки—  
Я их не успел доплести когда-то.

*АРАМАИС СААКЯН*

\* \* \*

Сколько будет нового на свете!  
Нас не будет.  
Внуки подрастут. Родятся дети.  
Нас не будет...  
А какие песни, верно, сложат!  
Нам не петь их.  
Книги издадут. Прочесть не сможем  
Книжек этих.  
Молодость пройдет. Придет другая.  
После нашей.  
Как помянет нас? Хваля, ругая?  
Кто нам скажет?  
Войны вымрут ящером пещерным  
И границы.  
Будет людям во' сто раз, наверно,  
Лучше житься.

Вот и станет век их длинным, ясным,  
Зло забудет...  
Сто чудес не свете будет разных.  
Нас не будет.  
Я за вас, не видных за годами,  
Счастлив, люди!  
Жаль, конечно, что в ту пору с вами  
Нас не будет.

\* \* \*

Ты любишь ночи тишь и праздность.  
Ты б ночь продлила на года,  
Чтоб слов любовных несуразность  
Не прерывалась никогда.

Не будем злы. Ну честно ль это,  
Чтоб ночи не было конца?  
Ведь жаждут проблеска рассвета  
Все разделенные сердца.

### НАДЕЖДА

Дуб падал. И последним взглядом  
Блуждал вокруг корней своих.  
И вдруг ростки увидел рядом—  
И отрешился. И затих.

**ПРОХОЖИЕ**

Я встретил юношу, чей взгляд  
Направлен в небо был.  
— Зачем всё вверх ты смотришь, брат?—  
Я юношу спросил.

И юноша ответил мне:  
— Мне люб небесный свод  
Затем, что в синей вышине  
Мечта моя живет.

Я встретил мужа в блеске сил,  
Чей взор вперед летел.  
— Куда спешишь ты?—я спросил,—  
Ты—что горяч и смел.

И он ответил:—Жизнь вокруг  
Бурлит, грустит, зовет,  
Я все хочу успеть, мой друг,  
Я тороплюсь вперед!

Согбенный старец под конец  
Мне встретился в пути.  
— Как можешь ты вот так, отец,  
Уставясь вниз, идти?

Сказал он:— Жизнь прошла моя,  
Конца с тоскою жду,  
И глаз поднять не в силах я  
С земли, куда уйду.

### ИСААКЯНУ

И все весна цветет в твоих стихах,  
И над Манташем птичий щебет кружит,  
И слышен шепот в молодых кустах,  
И, над рекой склоняясь, ива тужит.

Ведь ни одна весна не отцвела  
Из тех, что ты воспел и вспомнил где-то...  
Уж многих старость, многих смерть взяла,  
Но жив цветок, хоть раз тобой воспетый.

### ОТВЕТ

Один король воздвиг себе дворец—  
Роскошнее не видели дворца!

„Ты видывал второй такой, мудрец?“,—  
Придворного спросил он мудреца.  
„Я думаю,—ответствовал пророк,—  
Нет в мире замка лучше твоего.  
Но знай, король, один есть в нем порок:  
Не только вход—есть выход из него“.

\* \* \*

Ты знаешь ли, знаешь, что я не забыл,  
Что очень тоскую, что счастья мне нету?!  
Как птица, душа, выбиваясь из сил,  
Летит за тобою по белому свету.

В далеких краях она ищет тебя,  
Во снах тебя ищет и в миг пробужденья:  
Вот-вот ты придешь, улыбнешься любя,  
Печаль моя, радость, мое наважденье.



Отдохнуть от тебя не даешь никогда,  
Подхватив меня, тащишь в чужие сады  
И на крыши, где фрукты желтеют маня.  
Доведешь ты меня, доведешь до беды,  
Бессердечное сердце, ты мучишь меня!  
Ты забыло, что я уже вырос давно  
И что персики с крыш красть теперь мне  
зазорно,  
И что яблоки с веток сбивать мне грешно,—  
Так куда ж ты, как в детстве, все рвешься  
упорно?  
Дай мне, сердце, забыть средь хлопот и  
забот,  
Что сладчайший из всех — это краденый плод.

\* \* \*

С тобой навек нам это, видно, суждено!  
Тебе — раскаянья медвежья хватка,  
Мне — сожаленья горького зерно,  
Шаг взад — вперед, как в одиночке, краткий  
Меж двух слогов, что в имени твоём.

Мне, словно узнику, дано ходить теперь  
Меж двух слогов, что в имени твоём,  
И близ огня замерзшим оставаться,  
И не смотреть на отпертую дверь,  
И вырваться на волю не пытаться.

**БАЛЛАДА О ПЕТУХАХ**

1

Я смотрю на ребят, что играют кругом,  
И опять вспоминаю о детстве другом:

Клич гремит петушиный сквозь утренний дым,  
Словно в колокол бьют над окошком моим.  
Это он, мой веселый петух, на заре  
Первый солнечный лучик клюет во дворе.

Это он разбудил нас, ворвавшись в наш сон,  
Это он выгоняет нас из дому вон.  
Это он, самый сильный из местных вояк,  
Побеждает во всех петушиных боях.

2

В дальнем курдском селе я родился и рос  
Среди ярких, к земле наклонившихся лоз.  
Были крепкими, сильными курды-друзья,  
Хоть такими же голыми были, как я.

Их красавцы-отцы были скалам сродни,  
Гасан-беку свой век отдавали они.  
У Гасана отары, кибитки, сарай...  
Он держал в кулаке и тиранил весь край.

Обирая и курдов равно, и армян,  
Богател с каждым днем этот самый Гасан.

### 3

Как-то раз я поймал петуха своего.  
Был внимательный, ласковый взгляд у него,  
Был красив он и ярок, как солнечный день.  
Ел с ладони моей серебристый ячмень.

Я его целовал в золотой гребешок  
И носил на руках и оставить не мог.

А потом я к соседям таскать его стал,  
Чтобы там он чужих петухов побеждал.

Чтобы по ветру перья пускал с них да пух  
Мой красивый, мой пестрый, мой умный  
петух.

### 4

Однажды июньским приветливым днем  
Мы шли по селу с моим другом вдвоем.

Вдруг крикнул Асо мне: — А ну-ка постой,  
Давайте, ребята, устраивать бой!

—Устроим! (Взыграл мой воинственный дух)—  
Пускай это будет хоть бекский петух!

— Хоть бекский? А ты не боишься, дружок?  
Смотри, чтоб не съел и тебя петушок!

Ушел, но недолго мы ждали его,—  
Сын бека принес петуха своего...

5

Помню, долго дрались петухи во дворе,  
Пух кружился вокруг, словно снег в январе.

Были оба они и храбры и сильны,  
Были клювы обоих от крови красны.

Только бекский петух отступил пред моим,  
Кровь малиновой струйкой бежала за ним...

Но сверкнули у юного бека белки,  
И стоявшему рядом он крикнул:—Беги,

Дай мне пестрого быстро, пока не сбежал,  
А не то я всажу тебе в брюхо кинжал.

6

Удержал я Гуляма, схватил я Асо.

— Я не дам! Про кинжал свой он выдумал  
всё!

— Ах, не дашь?—Завопил он тогда, что есть  
сил,

И до крови мне руку, как пес, прокусил.  
Застонал я от боли, зубами скрипя,  
И с размаху его отпихнул от себя.

И домой побежал к себе маленький бек,  
А от старого бека пришел человек...

... Помню, сыпались долго удары его,  
А потом он унес петуха моего.

. . . . .

Я смотрю на ребят, что играют кругом,  
И с тоской вспоминаю о детстве другом.

ОВАҢЕС ШИРАЗ

\* \* \*

Касаясь подножьем весенней земли,  
Он купол свой поднял за облако синее,  
И тени на снег Арарата легли;  
Чем выше его голова—тем красивее.

Поэт, к высочайшим вершинам стремись,  
Будь честным и мудрым, гордись своей силою;  
Чем дальше напевы твои разнеслись,  
Чем звонче, чем выше они,—тем красивее.

Но голову низко склоняй, о поэт,  
Людей не встречая улыбкой спесивою.  
Пусть волосы в белый окрашены цвет;  
Чем ниже твоя голова—тем красивее.

\* \* \*

Лирика! Жить ей и жить века.  
Когда это май был на розы скуп?  
Кто не мечтал хоть издалека,  
Хоть песней коснуться любимых губ?

Когда человечней был человек,  
Другому был больше и друг и брат?  
Лирика, ты не умрешь вовек—  
Слишком душой человек богат.

Какая, скажи, не родит скала  
Одну хоть фиалку за много лет?  
Когда моя лира мертвой была?  
Без сердца рождается кто на свет!

\* \* \*

Снег плачет—то зима к концу идет,  
А по размокшим рощам и лугам  
Победно шествует весна вперед.  
Завидую я гибнущим снегам—  
Они весну рождают каждый год.

\* \* \*

Ты прости меня, мать, о земля дорогая моя,  
Если пала росой на цветы твои скорби слеза.  
Ты, как мать, мне прости—то оплакал любовь  
свою я.

Не лучи твоих звезд—обожгли меня милой  
глаза.

Словно дикий шиповник, открыл я ей душу  
свою,

Но швырнула ее на дорогу: мол, груб ты и  
дик!

И нашли меня путники, шедшие в нашем  
краю,

Наклонились и подняли бедную душу мою.  
— О неверной напрасно ты плачешь, —  
промолвил старик.

Так сказал он и тучи печали сумел  
разогнать,

Лишь упали последние капли на зелень  
полей.

Эти слезы прости мне, земля, как простила  
бы мать.

Пусть останусь я диким шиповником в песне  
твоей!

## ОДНОКЛАССНИЦА

Была девчонкой с ясным синим взглядом  
Ровесница моя,  
Краснела, если вдруг садился рядом  
И улыбался я.  
Когда ж с другими весело смеялась  
Она вдали,  
Я шел в поля, где синью глаз, казалось,  
Цветы цвели.  
Я как-то раз, ее не встретив в школе,  
Помчался к ней.  
Она стояла у колодца в поле  
Весны юней.  
Не знаю, как мы головы склонили  
Над блеском струй,  
Но воды вдруг стыдливо отразили  
Наш поцелуй.  
Мне показалась материнским оком  
Колодца мгла...  
Моей любовью первой и глубокой  
Она была.

\* \* \*

Мальчик, мотылек залетный мой!  
Ты на свет явился для того,  
Чтобы детство я узнал с тобой—  
Я, не знавший детства своего.

Чтоб в поля бежал я рвать цветы,  
Звал с собою птах, ручьи и лес...  
Нет, мой сын, на свет явился ты,  
Чтобы я бесследно не исчез.

\* \* \*

Однажды могучие тучи решили  
Яркое солнце затмить навсегда.  
Но только надменно его обступили,  
Как вспыхнули тотчас багрянцем стыда,  
Вспомнив, что в небо с болот и ущелий  
Солнце одно и смогло их поднять...  
И расступились они, почернели,  
Дети, поднявшие руку на мать.

*ГЕВОРҔ ЭМИН*

**НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ**

Шуршат чуть слышно тополя листвою,  
Темнеют над деревней небеса.  
На крыше на луну собака воет,  
Как будто видит там другого пса.

Звон колокольчиков невесть откуда...  
И горы в полуночной тишине  
Напоминают караван верблюдов,  
Несущих вдаль деревни на спине.

Со снежных высей слушают века,  
Как ветер чуть дрожит над тополями,  
И Млечный Путь, как тихая река,  
Течет небесными полями.

\* \* \*

Когда мы бродим в поздний час,  
Ночной вдыхая воздух,  
Деревья шепчутся про нас,  
Подмигивают звезды,  
И не один прохожий вслед  
Оглянется лукаво.  
Но нам до встречных дела нет—  
Откуда знать им, право!  
Ты про любовь расскажешь вновь,  
Я—про свои мечты.  
Но нет, не я твоя любовь,  
Да и моя не ты!  
О нас молчим который год,  
Ведь знаем всё давно мы!  
Обычно тайна всех влечет,  
А мы сто лет знакомы.  
Когда с тобою в поздний час  
Выходим за ворота,  
Деревья шепчутся про нас,  
И нас ревнует кто-то...  
Ту грань—старинные друзья—  
Мы перешли, быть может,  
Когда влюбиться уж нельзя  
Но и расстаться—тоже.

\* \* \*

С ума я больше не схожу,  
Твою сжимая руку,  
На телефоне не вишу,  
Чтоб сократить разлуку.  
Спокойно сплю среди тихой тьмы,  
Тебя не вызвав снами.  
Не любим мы, не любим мы—  
Что это, право, с нами?  
Вновь стал на место небосвод,  
Земля внизу—где нужно,  
И гор недвижим хоровод,  
А волны пляшут дружно.  
И звезды бросили кружить  
Над нами в небе юга.  
И можем мы дышать и жить  
Отдельно друг от друга.  
Идут часы у нас поврозь,  
Стучат сердца не рядом—  
И это все теперь всерьез  
Считать нам жизнью надо.

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ АРМЯНСКОЙ  
ПОЭЗИИ

---

ГАРНИК АДДАРЯН

\* \* \*

Мерцающие искры глаз твоих  
Я по дорогам битв несу с собой,  
Еще в ушах твой голос не затих,  
И, кажется, идем мы рядом в бой.

Твои ли губы, песня ль жжет мне рот?  
В моей руке твоя горит ладонь...  
На миг забуду—но тотчас ведут  
Тебя ко мне сто троп через огонь.

И нет меня, тебя на свете нет,  
Есть только мы—единый сердца стук.  
Заплачешь ты, и плачет белый свет,  
А запоешь—и всё поет вокруг.

И смерти нет. Мы неподвластны ей.  
Нам жить века. Нам чудеса вершить.  
Вдвоем с тобой мы ста смертей сильней,  
А друг без друга нам и дня не жить.

### АЙАСТАН

Айастан... В коротком слове этом  
Летопись земли моей живая,  
Светится оно особым светом,  
Душу нам, скитальцам, согревая.

Айастан... В слезах столетья тонут,  
Кровь армян стекает по планете.  
Слышу я сквозь гул веков, как стонут,  
Мой народ, твои родные дети.

Айастан... И вдруг я солнце вижу...  
Вижу—сеют, вижу море восходов,  
Вижу, как хлеба встают все выше  
И сады теснее год от года.

Айастан! В движении народном  
К свету, к правде—от беды и горя  
Счастлив видеть я твой шаг свободный,  
Речь Месропа\* слышать в гордом хоре.

---

\* Месроп Маштоц—изобретатель армянского алфавита.

### ЕСЛИ СКАЖУ

Если скажу тебе сам, что забыл, что забыл,  
что забыл!..

Что задремала душа моя в сонном покое,  
Если скажу, что другие глаза полюбил,  
Сердце другое горит под моею рукою,

Если о счастье своем буду повсюду кричать,  
То и тогда ты не верь, ты не верь, ты не  
верь мне!

Вечно несем мы любви нашей старой печать...  
Слышишь, бормочет старик песню любви  
своей первой?

ВАГЕ ВАГЯН

### ПЕСНЯ НЕУСТАННОЙ БОРЬБЫ

Счастье—это сквозь муку надежде протяги-  
вать руку,  
Душу выплеснуть с болью и светом напол-  
нить опять,  
Прислониться к оливе, как к старому верно-  
му другу,  
Видеть призраки смерти и только о жизни  
мечтать.

Когда молнии рвутся и небо трясет, как в  
ознобе,  
Счастье вновь оглянуться на цепи торжест-  
венных гор,  
И за щедрое солнце, что всходит над их  
крутизною,  
За великое солнце по мраку ударить в упор.

А когда понимаешь уже, что пути перекрыты  
И что силы ушли и дороги вперед не про-  
бить,—  
Счастье вдруг распрямиться и руку поднять  
для защиты  
И, как в утренний горн, в свою душу тру-  
бить и трубить...

Тетиву своей воли опять натянуть до предела  
И рвануться вперед, ощутив себя армией  
целой!

*ДЖОЗЕФ ХАДЖЯН*

**ДРУГУ ПОЭТУ**

Пусть песнь наша будет дыханием жизни  
горячим,  
Любви настоящей пусть подлинным голосом  
будет.  
Пускай наша песня в руках у бойца моло-  
дого  
Ракетой, снарядом, развернутым знаменем  
будет.

В бедняцкой рабочей каморке пускай наша  
песня  
Вином долгожданным и хлебом дымящимся  
будет.  
Пускай наша песня для тех, кто скорбит на  
чужбине,  
Далекого дома призывом спасительным будет.

А там, где лютует во мраке палач испуг-  
ленный,  
Пускай наша песня лучом ободряющим будет.  
Пускай наша песня всем тем, кто идет с на-  
ми в ногу,  
В нелегкой дороге надежным товарищем  
будет.

Великое сердце двадцатого трудного века  
В груди ее гулкой стучать неустанно пусть  
будет.  
Пускай наша гордость, борьба наша, страсть  
нашей жизни—  
Пускай наша песня фанфарой грядущего  
будет!



## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i> . . . . .	3
------------------------------	---

### СТИХИ

Кочевники . . . . .	7
„Кто в духоте не видел проку...“ . . . . .	8
Тополь . . . . .	9
„Жизнь моя!..“ . . . . .	11
„И всё, что ты любишь...“ . . . . .	12

### Рехан

„Дороги, белые до блеска...“ . . . . .	13
Восток . . . . .	14
Праздник . . . . .	16
Камни . . . . .	18
Утро . . . . .	19
„Плывет закат...“ . . . . .	21
„Пламя глаз этих...“ . . . . .	22
Старый базар . . . . .	23
1. Старик . . . . .	23
2. Песня . . . . .	24

3. Раннее . . . . .	24
4. Песня . . . . .	25
Сарьяну . . . . .	26
„Я люблю художников Армении...“ . . . . .	28
„Мастеровой не может не работать...“ . . . . .	30
Вечернее . . . . .	31
„О как меня мальчишки в детстве били!..“ . . . . .	32
„Я послезавтра уезжаю...“ . . . . .	33
„Прозрачный декабрь закавказский...“ . . . . .	35
„Я, наверное, неправ...“ . . . . .	36
„Стянула волосы в узел я...“ . . . . .	37
„Мужское сдержанное горе...“ . . . . .	38
„Секунда едва ощутимых усилий...“ . . . . .	39
„За сосны солнце опускается...“ . . . . .	40
„Плывут по небу погожему...“ . . . . .	41
Рехан . . . . .	42
„Не раз менялось всё с тех пор...“ . . . . .	44
Сонет . . . . .	45
„Страшно, что нас оставили...“ . . . . .	46
День отчалил . . . . .	47
Еревану . . . . .	49

## Свет Арагвы

Свет Арагвы . . . . .	51
„Столетия дремлют в древнем храме...“ . . . . .	52
„Спаси меня, Грузия...“ . . . . .	53
„Закатный туман над Мухрани...“ . . . . .	54
Высота . . . . .	55
„Там, где глотая разрежённый воздух...“ . . . . .	56
„Жара в Кварели и Хашури...“ . . . . .	57
В гостях . . . . .	58
„Поют, поют, поют...“ . . . . .	59

## Набирая высоту

„Устав от медленного странствия...“ . . . . .	60
„Нас удивил старик в Хунзахе...“ . . . . .	62
„Мы ехали в аул Цада...“ . . . . .	63
„Грело солнце землю жарко...“ . . . . .	65
„Нас поворот за поворотом...“ . . . . .	66
„Ты дыши, дыши, дыши...“ . . . . .	67
. . . . .	. . . . .
Вдохновенье . . . . .	68
„Бог не послал мне легкости ни в чем...“ . . . . .	69
Весна—красна . . . . .	70
„Не надо приходить на пепелища...“ . . . . .	72
В дороге . . . . .	73
„Ты говоришь...“ . . . . .	74

## СТИХИ ДРУЗЕЙ

(Переводы армянских поэтов)

### Сагател Арутюнян

„Не смотри так...“ . . . . .	77
Золотая осень . . . . .	77
Море . . . . .	78
„Мальчик без мамы“ . . . . .	78

### Гурген Борян

Как может . . . . .	80
Прощание . . . . .	81

### Ваагн Давтян

Родина . . . . .	82
Песня о доме . . . . .	83

### Сильва Капутикян

О счастье . . . . .	85
---------------------	----

Весна . . . . .	87
Часы ожидания . . . . .	87
Годы спустя . . . . .	88
Верность . . . . .	89
„То кляня, то гоня...“ . . . . .	90
Песня любви . . . . .	91
1. В эту ночь . . . . .	92
2. Ночная песня . . . . .	92
„Я сделала всё...“ . . . . .	93
Вдове героя . . . . .	94
Ленин . . . . .	95

### Ваагн Каренц

„Гаснет солнце“ . . . . .	97
„Прежде чем строчку свою написать...“ . . . . .	99

### Маро Маркарян

„Когда ступила я...“ . . . . .	100
Село моё . . . . .	101
„Тяжелая лоза...“ . . . . .	102
„Снова думаю я о тебе...“ . . . . .	103
„Едва кивнул мне головой...“ . . . . .	103
„Люди спешат на вокзал...“ . . . . .	104
„Если скажу, что забот не знаю...“ . . . . .	104

### Рачия Ованесян

„Над озером...“ . . . . .	106
„Говорят, что лебедь только раз...“ . . . . .	107
„Скажи, о чем...“ . . . . .	108
„Плещутся дети...“ . . . . .	108

### Арамаис Саакян

Сколько будет нового на свете! . . . . .	110
„Ты любишь ночи тишь...“ . . . . .	111
Надежда . . . . .	111

## Гегам Сарян

Прохожие . . . . .	112
Исаакяну . . . . .	113
Ответ . . . . .	113
„Ты знаешь ли. . .“ . . . . .	114

## Паруйр Севак

„Всё такое ж ты, сердце. . .“ . . . . .	115
„С тобой навек нам это. . .“ . . . . .	116

## Согомон Таронци

Баллада о петухах . . . . .	117
-----------------------------	-----

## Ованес Шираз

„Касаясь подножьем. . . . .“ . . . . .	121
„Лирика! Жить ей и жить века. . .“ . . . . .	122
„Снег плачет. . .“ . . . . .	122
„Ты прости меня, мать. . .“ . . . . .	123
Одноклассница . . . . .	124
„Мальчик, мотылек залетный мой. . .“ . . . . .	124
„Однажды могучие тучи решили. . .“ . . . . .	125

## Геворк Эмин

Ночной пейзаж . . . . .	126
„Когда мы бродим в поздний час. . .“ . . . . .	127
„С ума я больше не схожу. . .“ . . . . .	128

## *Из зарубежной армянской поэзии*

### Гарник Аддарян

„Мерцающие искры глаз твоих. . .“ . . . . .	129
Айастан . . . . .	130
Если скажу. . . . .	131
	141

**Ваге Вагян**

Песня неустанной борьбы . . . . . 132

**Джозеф Хаджян**

Другу поэту . . . . . 134

*Снегова Ирина Анатольевна*  
*„Дороги сердца“*

Редактор

**М. Э. Кузанын**

Художник

**А. В. Гаспарян**

Худ. редактор

**Р. С. Бедросов**

Техн. редактор

**В. М. Еганян**

Корректор

**Л. В. Качмарчик**

ВФ 02677

Заказ 725

Тираж 5000

---

Сдано в производство 29/III 1963 г.

Подписано к печати 28/VIII 1963 г.

Бумага  $70 \times 92\frac{1}{32}$  печ. 4,5 лист. = 5,26 усл. печ. л.,

уч. изд. 3,2 лист. Цена 26 к.

---

Типография № 1 Главного управления  
издательств и полиграфической пром.

Министерства культуры Арм. ССР. Ереван,  
ул. Алавердяна, 65.

